

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности	7
Введение	10
Глава 1. Функционирование «Березок»: причины появления и развитие с конца 1950-х до конца 1980-х	27
Предпосылки возникновения розничной торговли за валюту в конце 1950-х.....	27
Новые возможности для советских заграничников: создание «Внешпосылторга»	32
Первые «Березки»: магазины для иностранцев	40
Магазины за валюту для моряков	47
Появление заменителей иностранной валюты: сертификаты «Внешпосылторга» трех видов	49
Обладание валютой и статус сертификатов: законодательная регламентация «Березок»	54
Дальнейшее развитие сети «Березок» в 1970–1980-е и введение единых чеков «Внешпосылторга».....	63
Изменение валютной политики во второй половине 1980-х и закрытие «Березок».....	72
Глава 2. Посетители «Березок»: от дипломатов до диссидентов.....	79
Советские заграничники и граждане, выезжающие в командировки	80
«Официальные лица».....	81
Технические специалисты	87
Временно командированные и выезжающие на гастроли и соревнования	93
Советские военнослужащие за рубежом	102
Получатели валютных переводов	107
Гонорары из-за рубежа	108
Получение наследства и подарочные переводы.....	118

Глава 3. Ассортимент «Березок»:

от кооперативной квартиры до полиэтиленового пакета.... 126

Принципы отбора товаров в магазины «Березка»	127
Крупные покупки в «Березках»	130
<i>Автомобиль</i>	130
<i>Кооперативная квартира и мебель</i>	135
<i>Бытовая и электронная техника</i>	139
Мелкие покупки в «Березках»	145
<i>Одежда и аксессуары</i>	145
<i>Продукты</i>	152
Влияние дефицита на магазины «Березка»	154

Глава 4. Черный рынок вокруг «Березок»:

нелегальные посетители и спекуляция товарами 160

Покупка и продажа заменителей валюты: нелегальные посетители «Березок»	161
Советские граждане в «Березках» для иностранцев	172
Черный рынок товаров из «Березок»	181
<i>«Березочные» спекулянты</i>	182
<i>Нелегальная деятельность сотрудников «Березок»</i>	185

Глава 5. Объект вожделения и возмущения:

восприятие «Березок» в советском обществе

и дискуссия о них в прессе в конце 1980-х 198

«Березки» как объект вожделения: «другой мир», «воображаемый Запад» и «эталон»	198
«Березки» как предмет возмущения: «разновидность кормушки» и «дорогое удовольствие»	203
Образ «Березок» в прессе и дискуссия о них в эпоху перестройки	211
Заключение	226
Библиография	231
Примечания	243
Указатель	293

ВВЕДЕНИЕ

В 1969 году советский диссидент Андрей Амальрик опубликовал в Амстердаме свое знаменитое эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», в котором предсказывал скорую гибель СССР. К тому времени Амальрик уже несколько лет занимался «антисоветской деятельностью», успел побывать в ссылке в Сибири и рукопись своей статьи на Запад передал, конечно, тайно. Тем не менее за свой «подрывной» текст он смог не только получить в Москве гонорар от иностранного издательства, но даже обратиться к нему в так называемые «сертификаты “Внешпосылторга”» — заменители иностранной валюты, выпускаемые государством. Эти сертификаты дали Амальрику доступ в закрытый валютный магазин «Березка», где продавались импортные товары высокого качества, недоступные в обычных советских магазинах.

Как же получилось, что за публикацию на Западе «антисоветских» произведений советская власть вознаграждала доступом к дефициту? Почему вообще в СССР существовали магазины, торгующие за валюту, и кто и за что мог получить в Советском Союзе иностранные деньги? Что продавалось в таких магазинах и насколько этот ассортимент отличался от того, что было в обычных советских магазинах? Как объясняли существование «Березок» официальные власти и что думали о них обычные советские граждане? Наконец, что история этих магазинов может сказать нам об особенностях развития позднего СССР? На эти вопросы я постараюсь ответить в этой книге.

Магазины «Березка», существовавшие во многих крупных городах СССР с начала 1960-х до конца 1980-х годов, представляли собой парадоксальное явление. Советское государство, которое ратовало за всеобщее равенство и противопоставляло себя Западу с его культом потребления, само организовало островки консюмеризма — магазины, в которых избранным гражданам продавали товары за иностранную валюту. «Березки» стали известны на весь СССР как источник самых модных и желанных товаров и как символ привилегированного снабжения, порождая идеологические противоречия как в сознании граждан, так и внутри государственного аппарата. Разобравшись в том, зачем «Березки» были созданы, как они функционировали, какие моральные дилеммы рождали и как менялись на протяжении 1960–1980-х годов, мы сможем лучше понять позднесоветское общество с его парадоксальным колебанием между аскетическим морализмом и нарождающимся обществом потребления, плановой экономикой и стихийно возникающими рыночными отношениями, утопией всеобщего равенства и жесткой социальной дифференциацией.

* * *

Для анализа советского общества 1960–1980-х годов «Березки» интересны прежде всего тем, что они высвечивают с разных сторон проблематичность соотношения экономики и морали в СССР. Моральную нагруженность экономических вопросов в Советском Союзе можно рассмотреть на примере трех взаимосвязанных идеологических проблем: отношения к Западу, потреблению и социальному расслоению.

В отношении всех трех в советской идеологии с самого начала была заложена определенная двойственность. Первое в мире социалистическое государство должно было

строиться на новых основаниях и демонстрировать преимущества социализма перед капитализмом. Однако страна не могла обеспечивать себя всем необходимым, оборудование и товары приходилось закупать за границей¹. Мало того, власти во многом признавали отставание советской промышленности от европейской и американской, поэтому продукция западных фирм часто считалась в СССР более качественной, чем отечественная, — пусть это и трактовалось как временное положение дел. С точки зрения экономической целесообразности, закупая за границей качественное оборудование и продукцию, государство добивалось улучшения социалистического производства и обеспечивало граждан необходимыми товарами, однако с точки зрения идеологии это была «уступка врагу».

СССР, с одной стороны, противопоставлял себя капитализму, а с другой — зависел от западной промышленности. Это противоречие лежало в основе советских отношений с западным миром, и его интересной иллюстрацией было отношение в СССР к иностранной валюте. С моральной точки зрения валюта была как минимум сомнительным явлением: граждане не могли иметь ее на законных основаниях, валютные преступления находились в ведении КГБ и карались уголовным наказанием вплоть до смертной казни, обладание валютой ассоциировалось со шпионажем. Причиной такого отношения к валюте было то, что она была символом чуждого уклада, источник ее ценности находился во враждебном мире. Но при этом государство остро нуждалось в валюте для осуществления импортных закупок, высоко ценило ее, старалось ее экономить и изыскивало всевозможные способы ее приобретения. Тем самым в СССР иностранная валюта всегда воспринималась двойственно: она обнажала противоречие между экономикой и идеологией, представляя собой морально сомнительный инструмент для желанной модернизации.

Еще одно столкновение экономики и идеологии происходило в государственном дискурсе о потреблении материальных благ. Вопросы о том, насколько приемлемо индивидуальное богатство, где границы между удовлетворением базовых потребностей и излишней роскошью, чем нужно руководствоваться при обустройстве быта, всегда оставались в СССР до конца не проясненными. В раннюю пост-революционную эпоху в рамках борьбы с «буржуазными пережитками» важной идеологической задачей было преодоление «мещанства»². В сталинские годы потребление было во многом реабилитировано, стремление к материальному благополучию снова стало трактоваться как естественная потребность человека, получило распространение даже производство предметов роскоши³. Хрущевская оттепель с ее возвращением к революционным идеалам реанимировала борьбу с «излишествами» и «стяжательством»; умеренность и рациональность были провозглашены главными критериями в отношениях человека с материальными миром⁴.

В эпоху застоя двойственная природа потребления наконец вышла на первый план. В это время, по выражению социолога А. Береловича, советское общество «полностью решает проблему физиологического выживания и превращается если не в общество потребления, то, во всяком случае, в такое общество, которое стремится потреблять»⁵. В СССР развивалось производство бытовой техники — холодильников, телевизоров, стиральных машин, появилась индустрия моды, в том числе молодежной, во многом копировавшей западную, все больше людей покупали автомобили. Мало того, удовлетворение материальных потребностей граждан было провозглашено важнейшей задачей государства и впервые получило приоритет над тяжелой промышленностью⁶. Одновременно с этим растущее благосостояние все сильнее осознавалось как этическая проблема: когда потребление стало массовым, размышления

о «мещанстве» как воплощении индивидуалистических бездуховных тенденций, противостоящих жизни «ради идеи», распространились в прессе, кино и книгах⁷. Экономическая задача повышения уровня жизни и его реальный рост как никогда остро столкнулись с морально-идеологическим целеполаганием общества⁸.

Наконец, еще одной точкой противоречия между экономикой и идеологией стал вопрос социальной дифференциации населения. Советский проект объявлял своей задачей борьбу с неравенством. Предполагалось, что советское общество будет состоять из рабочих, крестьян и служащих и все они будут обладать примерно одинаковым уровнем денежного достатка⁹. Однако если различия между классами и профессиями не должны были приводить к имущественному расслоению, то степень преданности режиму и вклад в «общее дело» могли служить основанием для определенного рода дифференциации. В сталинские годы рабочие-стахановцы, высокопоставленные чиновники и знаменитые ученые вознаграждались привилегиями и имели более высокий уровень жизни, чем обычные граждане¹⁰; в позднесталинский период в СССР даже возник своего рода преуспевающий средний класс¹¹. У этого «богатства», однако, была важная особенность: его санкционировало государство. Социальное расслоение определялось не только и не столько размером заработка, сколько санкцией властей, идеологической установкой. Благополучие строилось в первую очередь на привилегиях, то есть получении материальных благ сверху, а не на покупке их за самостоятельно заработанные деньги. Закон жестко ограничивал все возможности для независимого от государства обогащения, и у обладания большими суммами денег всегда был налет криминальности. Вопросы о том, может ли советский человек быть «богатым», правомерно ли существование в социалистическом обществе различий в уровне жизни, а также кто и за что может получать

материальные привилегии, оставались актуальными на всем протяжении советской власти.

Все эти противоречия: отношение к Западу и его валюте, проблема потребления и социального расслоения — на начальном этапе существования СССР представляли собой, скорее, потенциальную угрозу. Необходимость строительства нового мира и вера в революционные идеалы «оправдывали» экономические компромиссы. Введение НЭПа с его возможностями легального обогащения «частников», закупки оборудования за рубежом и привлечение иностранных специалистов для нужд индустриализации, спецснабжение партработников считались временными мерами на пути к коммунизму. Они объяснялись масштабностью проекта переустройства общества и ожиданием большого будущего. Однако по мере иссякания революционного импульса и затвердевания политических форм противоречие между идеологическими постулатами и экономическими реалиями становилось все более острым.

Магазины «Березка», открытые государством в начале 1960-х годов в первую очередь для извлечения валютной прибыли, концентрировали в себе все три описанных противоречия. Для того чтобы привлечь иностранных и советских граждан, обладающих валютой, государство поставляло в «Березки» лучшие товары, которых было не найти в обычных советских магазинах. Наличие в стране закрытых магазинов, торгующих за валюту лучшим ассортиментом, противоречило и идее равенства, и необходимости борьбы с Западом, однако с точки зрения извлечения валютной выручки они были соблазнительны для государства. Похожие магазины уже существовали в СССР раньше: с 1931 по 1936 год «Торгсины» также были призваны заставить людей потратить валюту на дефицитные товары, прежде всего продукты питания¹². Однако в 1930-е годы создание «Торгсинов» объяснялось нуждами индустриализации: для осуществления

технологического прорыва государству нужна была валюта для закупок иностранного оборудования. К моменту появления «Березок» о стремительном броске к коммунизму речь уже не шла, экономические задачи были гораздо более приземленными, и их конфликт с идеологическими и моральными установками выступал на первый план.

В «Березках» продавались импортные товары, а также отечественные товары «в экспортном варианте», то есть произведенные для продажи за границей. Иными словами, лучшими оказывались или «вражеские» товары, или те советские, которые не предназначались для обычных советских граждан. «Березки» тем самым не только укрепляли культ иностранных товаров в СССР, но и демонстрировали, что советские товары улучшенного качества можно получить только за иностранную валюту. Экспортные товары, поступавшие в «Березки», первоначально создавались для продажи за границу: они должны были быть лучше, чем обычные, не только для извлечения валютной прибыли, но и для создания положительного образа СССР за рубежом. Тут проявлялось еще одно противоречие в отношениях с Западом: для улучшения собственного имиджа в глазах иностранцев советское государство готово было жертвовать положением собственных граждан.

Между тем в восприятии советского человека формировался образ «за границы» как источника благополучия, идеала в сфере потребления. Работа за рубежом, прежде всего в капиталистическом мире, предоставляла желанную возможность обогащения и повышения социального статуса: даже высокопоставленные чиновники стремились устроить своих детей на работу, связанную с пребыванием за границей. И государство прямо способствовало укреплению такого восприятия, создавая в стране валютные магазины.

«Березки» как средоточие лучших материальных благ (бытовой техники, одежды, автомобилей) также являются

хорошей иллюстрацией противоречий, связанных с проблемой потребления в позднем СССР. В этих магазинах, с одной стороны, не было свойственного обычным советским магазинам дефицита и очередей, которые делали советскую торговую сеть непривлекательной для потребителей, а с другой стороны — атмосферы незаконности, свойственной барачникам и фарцовщикам, которая выводила потребительство в сферу нелегального. «Березки» были оазисом потребления, созданного по решению государства. Но вместе с тем они воплощали в себе моральную проблему, связанную с потреблением; это превращало их в фигуру умолчания со стороны государства и помещало в своего рода слепую зону: даже во внутренних документах эти магазины эвфемистично назывались «специализированными», а в открытых источниках практически не упоминались до эпохи перестройки.

Популярность «Березок» среди граждан иллюстрирует еще одно важное свойство, отличавшее потребление в СССР: онтологическое невнимание советской экономики к мелким потребностям граждан. В валютные магазины отправлялись в первую очередь за модной одеждой, косметикой или аксессуарами вроде маникюрных ножниц. Такие товары не вписывались в советскую концепцию потребления: плановая экономика оперировала крупными категориями «удовлетворения базовых потребностей» и, в отличие от капиталистической системы, не стремилась угодить потребителю, привлекая его подобными мелочами. По мере того как запросы советских потребителей росли и становились более разнообразными, розничная торговля все в меньшей степени была способна их удовлетворить. Желание людей иметь джинсы или губную помаду плохо сочеталось с советской идеологией и экономическими масштабами. И только валютная торговля, ориентированная на прибыль, могла соответствовать спросу.

«Березки» с необычной стороны высвечивали и проблему социальной дифференциации. С точки зрения советской

идеологии «лучше» был тот советский гражданин, у которого не было валюты, так как это означало, что у него нет никаких «связей с границей». Однако с точки зрения экономической эффективности «лучше», то есть полезнее, был тот, у кого валюта была. Но если некоторым категориям посетителей «Березки» — работавшим за рубежом дипломатам, журналистам или военным советникам — валюту выдавало само государство, то другие получали ее от иностранцев — в виде гонораров, как упомянутый выше Амальрик, или просто подарков. Государству было выгодно предоставить этим людям доступ в «Березку», чтобы получить от них столь необходимую для экономики валюту. Однако в результате складывалась сомнительная ситуация, при которой люди, связанные с «врагом», получали преимущество по сравнению с лояльными советскими гражданами. Из-за трепетного отношения СССР к валюте власти оказались вынуждены вознаграждать улучшенным ассортиментом товаров любых обладателей валюты, даже тех, кто получал ее «в обход» государства. В результате «Березки» создавали социальное расслоение, основанное не на лояльности режиму, а на обладании «враждебной» советскому государству валютой.

Кроме того, функционирование «Березок» в СССР фактически вводило в обращение параллельную валюту — сертификаты (а затем чеки) «Внешпосылторга». Поскольку в «Березках» продавались дефицитные товары, то валютные суррогаты, за которые эти товары можно было купить, приобретали повышенную ценность. Бытование этих денег, в частности на черном рынке, в гораздо большей степени, чем бытование обычных рублей, отражало углубление социального неравенства.

Таким образом, «Березки», достигшие своего расцвета в конце 1970-х годов, высвечивают многие идеологические дилеммы советского общества, показывают, насколько острыми они стали в позднем СССР.

* * *

Мое исследование охватывает три периода советской истории, на которые пришлось существование «Березок»: хрущевскую «оттепель», брежневский «застой» и горбачевскую «перестройку»*. На протяжении всех трех периодов «Березка» менялась, отражая веяния времени. В конце 1950-х — начале 1960-х годов возвращение к революционным идеалам всеобщего равенства выразилось, в частности, в ужесточении уголовного наказания за незаконные валютные операции. На этом фоне само создание «Березки» в этот период выглядит парадоксом. Однако из-за расширения связей СССР с окружающим миром количество советских граждан, имевших валюту, значительно увеличилось. Государство же, взявшееся удовлетворять потребность своих граждан в товарах повседневного спроса, остро нуждалось в этой валюте для закупок как самих товаров, так и оборудования для их производства. И ему приходилось вновь поступаться принципами.

На протяжении 1970-х годов в СССР развивалось своего рода общество потребления, население становилось все более урбанизированным; советские люди переезжали в отдельные квартиры из коммунальных, все больше интересовались модой и бытом. «Березка» стала в этот период важной приметой городской повседневности — средоточием наиболее желанных товаров и символом потребительской мечты. Даже те, кто не имел формальных оснований для приобретения товаров в «Березке», стремились попасть туда, купив сертификаты/чеки «Внешпосылторга» за рубли на черном рынке. Постепенно это становилось все менее опасным: государство закрывало глаза на нелегальные практики, поскольку они помогали компенсировать недостатки все хуже работавшей плановой экономики.

* Далее на протяжении книги термины «оттепель», «застой» и «перестройка» будут употребляться без кавычек как устоявшиеся обозначения исторических эпох.

В конце 1980-х, в период перестройки, когда пороки системы стали объектом открытой критики, «Березка» виделась как воплощение идеи неравного снабжения, к тому же легитимирующее нелегальную экономику. Дискуссия о ней в прессе отражала многие важные тенденции того времени. В моей книге «Березка» служит своего рода призмой, сквозь которую можно разглядеть особенности каждой из описанных эпох.

* * *

Торговля за иностранную валюту и ее заменители осуществлялась в СССР в 1960–1980-х годах в разных формах. Сеть валютных магазинов при министерствах торговли союзных республик обслуживала иностранных туристов за наличную валюту. Всесоюзное объединение «Внешпосылторг» Министерства внешней торговли СССР торговало за заменители валюты с определенными группами советских граждан — дипломатами, советскими специалистами, командированными в страны Азии и Африки, теми, кто имел родственников за рубежом. Наконец, торговое объединение «Торгмортранс» Министерства морского флота СССР обслуживало за валюту и ее заменители советских и иностранных моряков.

В центре внимания этой книги находится система валютной торговли именно с советскими гражданами. Исследование основано прежде всего на изучении системы «Внешпосылторг», получившей известность под названием «Березка». Материалы «Торгмортранса», а также документы, касающиеся торговли за наличную валюту с иностранцами, будут привлекаться для сравнительного анализа. Хотя не все магазины системы «Внешпосылторг» имели название «Березка» (например, в Белоруссии они назывались «Ивушка», а в каких-то городах и вовсе не имели специального названия), именно под этим названием система осталась в общественной памяти,

поэтому для простоты я буду пользоваться в книге именно этим «ярлыком» для обозначения магазинов, торговавших за валютные суррогаты.

* * *

Эта книга основывается на нескольких категориях источников — архивных документах, мемуарах и авторских интервью, а также публикациях в прессе. Я использовала документы федеральных, республиканских и городских архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Минска и Вильнюса. Привлечение материалов из архивов Белорусской и Литовской ССР позволило реконструировать функционирование валютной торговли на региональном уровне, сравнить «березочные» практики в центре и на местах.

Из документов меня интересовали постановления и распоряжения союзных и республиканских органов — советов министров, министерств торговли, — которые регулировали получение советскими гражданами иностранной валюты, организацию торговли за валюту и ее заменители, борьбу с «нежелательными» явлениями в сфере обращения валюты*. С их помощью я пыталась реконструировать нормативную базу валютной торговли в СССР, понять, чем руководствовались финансовые и торговые органы власти при принятии решений, как выстраивались приоритеты государства в области валютной политики. Инструкции и приказы финансовых и торговых ведомств — Министерства внешней

* К сожалению, материалы комиссии Президиума Совета министров СССР по внешнеэкономическим вопросам, на заседаниях которой решались многие вопросы валютной торговли, а также некоторые постановления Совета министров СССР, касающиеся функционирования «Березок», по-прежнему остаются секретными и недоступны для исследователей.

торговли, Министерства финансов, Госбанка и Внешторгбанка, — отвечавших за выплату советским гражданам иностранной валюты и за ее последующее использование, а также отчеты, протоколы заседаний, переписка и материалы проверок и инспекций, например Комитета партийного контроля, позволили мне проследить, как сформулированные в законодательных и нормативных актах положения реализовывались на практике, какие проблемы и противоречия возникали в сфере обращения валюты и ее заменителей в СССР.

Восприятие феномена валютной торговли в СССР, его роль в повседневной жизни граждан я анализировала прежде всего на основании источников личного происхождения. Это мемуары, дневники и интервью советских граждан, как имевших официальный доступ к системе валютных магазинов, так и тех, кто попадал туда незаконно или вовсе не бывал в этих магазинах, но имел о них какое-то мнение, а также людей, работавших в системе валютной торговли. Я пользовалась опубликованными воспоминаниями и дневниками, брала интервью, а также использовала материалы из сети интернет. Конечно, подобные источники субъективны и могут быть не вполне достоверны в силу тенденциозности авторов или особенностей человеческой памяти. Однако именно они позволяют проанализировать, как функционировал институт торговли за валюту и ее заменители на уровне конкретного человека, как это явление воспринималось обществом и как влияло на него. Материалы личных свидетельств представляют для меня двоякую ценность: во-первых, как источник фактических данных о функционировании валютной торговли, которые могут дополнить картину, реконструируемую по архивным документам, а во-вторых, как свидетельство восприятия изучаемого феномена и его отпечаток в коллективной памяти.

Из-за недостатка информации о валютной торговле в опубликованных воспоминаниях важнейшим источником для моего исследования стали глубинные интервью. В ходе

работы над монографией я провела тридцать интервью, а также около двадцати коротких опросов с респондентами 1927–1975 годов рождения из тринадцати крупных городов бывшего СССР (Москва, Санкт-Петербург, Самара, Екатеринбург, Набережные Челны, Ростов-на-Дону, Алма-Ата, Минск, Киев, Харьков, Одесса, Рига, Таллин) — прежде всего теми, кто приобретал товары в магазинах «Березка» или работал в этой системе. В целях сохранения тайны личной жизни при ссылке на источники приводятся только инициалы респондента и город проживания в советское время.

Наконец, третьей категорией источников, использованных в книге, являются материалы периодической печати. Анализ статей в массовой советской печати, в которых упоминается розничная торговля за валюту и ее заменители, позволяет выявить государственную риторику, которую власти использовали в редких высказываниях на эту тему, а также проследить изменения, происходившие в обществе. Работа с прессой имеет ключевое значение для анализа периода перестройки: в конце 1980-х годов в газетах развернулась бурная общественная дискуссия по вопросам социальной справедливости, которая, в частности, затронула и проблему чековых магазинов.

* * *

До сих пор феномен торговли за иностранную валюту в СССР подробно изучался лишь применительно к 1930-м годам. Деятельности «Торгсина» посвящена монография Е. Осокиной¹³, в которой показано, что система «Торгсина» была способом эффективного «выкачивания» у граждан так называемых валютных ценностей на нужды индустриализации. Прежде всего речь шла о получении государством запасов золота — украшений и золотых монет, сохранившихся

у людей с дореволюционных времен. В условиях голода начала 1930-х годов «Торгсин» позволял им получить в обмен на эти драгоценности дефицитные продукты питания. В своей книге я покажу, что созданные с теми же целями изыскания валюты «Березки» на деле отличались от «Торгиновок» и своим ассортиментом, и составом посетителей, но что еще важнее — ролью в экономике и социальной действительности.

Первая и единственная попытка систематически проанализировать институт торговли за валюту и ее заменители в СССР в 1960–1980-х была предпринята немецким юристом А. Лобером в 1978 году¹⁴. В статье, написанной на основании устных свидетельств и изучения открытых юридических документов, Лобер вполне точно воспроизвел принципы работы этих магазинов, однако недоступность архивных материалов не позволила ему полностью описать систему «Внешпосылторга». К тому же его интересовала лишь формальная организация этого вида торговли, а не его значение в контексте советского общества в целом. Институт розничной торговли за валюту также анализировался с точки зрения бонистики — истории денежных банкнот. М. Истомин провел полную каталогизацию различных категорий заменителей валюты, бытовавших в СССР в 1950–1980-х годах¹⁵. Довольно подробно изучено функционирование этого вида торговли в других социалистических странах, прежде всего в ГДР¹⁶. На материалы всех этих исследований я опираюсь в своей работе.

Эта книга строится как диалог и полемика с корпусом исторической литературы, посвященной нескольким темам. Во-первых, это работы о потреблении при социализме и особенностях восприятия материального благополучия в позднем Советском Союзе¹⁷. Во-вторых, литература, анализирующая социальный состав СССР, проблему привилегий и имущественной дифференциации в социалистическом контексте¹⁸.

В-третьих, исследования, посвященные «второй экономике»: бытованию плановой экономики, нелегальных практик и соотношению официального и неофициального рынков в СССР¹⁹. В-четвертых, книги о восприятии Запада, об образе США и Западной Европы в советском обществе и в официальной риторике²⁰. И наконец, последнее: литература об особенностях советской идеологии в позднем СССР, о нарастании кризисных явлений и формах упадка позднесоветской системы²¹.

* * *

Книга состоит из пяти глав. В первой главе я анализирую валютную торговлю в СССР в 1960–1980-е годы с формальной точки зрения: почему «Березки» возникли, зачем были введены и как использовались сертификаты и чеки; какие законы и правила регулировали деятельность чековых магазинов; как и почему они были закрыты в конце 1980-х годов. Во второй главе я рассказываю о составе потребителей «Березок» — советских дипломатах и журналистах, специалистах, работавших в странах Азии и Африки, артистах и спортсменах, выезжавших за границу для выступлений, а также тех советских гражданах, которые получали валютные переводы от друзей или родственников. Здесь показаны парадоксальность той иерархии потребления, которую порождали «Березки», и те идеологические проблемы, которые возникали при решении о допуске к чековым магазинам тех или иных граждан. Третья глава посвящена ассортименту этих магазинов: чем они отличались от обычной рублевой торговой системы, кто и как отбирал товары для «Березок» и насколько символически значимыми были такие ключевые «березочные» товары, как автомобиль, бытовая техника, импортные одежда или парфюмерия. В четвертой главе

Введение

я описываю нелегальные практики, возникавшие вокруг «Березок»: как они способствовали расширению круга людей, попадавших в эти магазины, как сотрудники «Березок» и «Внешпосылторга» злоупотребляли своим служебным положением и как товары из «закрытой» системы торговли попадали на «открытый рынок». Наконец, пятая глава посвящена роли валютной торговли в повседневной жизни граждан. Здесь я анализирую моральные оценки этого вида торговли, прослеживаю формирование образа «Березок» в официальной прессе и в общественном восприятии, публичное обсуждение этих магазинов, происходившее в эпоху перестройки.